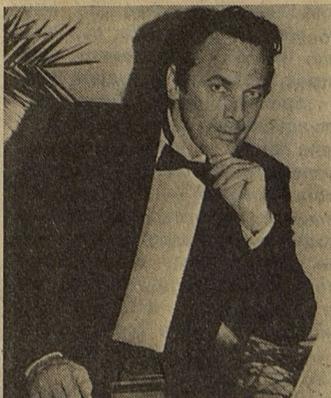

АРХИПОВА И ГЕРГИЕВ

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

В 1989 году после отказа главного дирижера ГАБТа А. Лазарева взять его в Америку Владислав Пьявко подал заявление об уходе. С тех пор бывший солист Большого театра поет по контракту в Берлинской Штаатсопер главным образом партии итальянского репертуара, которые считает «своими», — Каварадосси, Радамеса, Манрино. Изредка выступает в Опера Бастиль, палермском театре, на музыкальных фестивалях в Бордо, Флоренции, Тимишоаре... Но только и этот, второй герой «Певческих биеннале» («Архипова и Гергиев представляют»), не вписался в контекст фестиваля, который посвящен отечественной генерации 30—40-летних покорителей лучших сцен мира.

Культура. — 1995. — 25 февр. — с. 8.

ДРУГАЯ СУДЬБА

У Пьявко — другая судьба. Сегодня он скорее пассажир потерпевшего крушение судна. И бывшие счастливицы, и тотальные неудачники, и умелая команда — все оказались равны перед стихией, и каждый трепещет — то ли захлестнет волна, то ли выбросит на берег. Так по принципу «то густо, то пусто», с туманным «завтра» на горизонте складывается и нынешняя творческая жизнь Пьявко... Впрочем, рядом с ним, в поле досягаемости, всегда кружит спасительный плот — многочисленные российские театры, географическое положение и масштабы которых, по словам самого певца, для него не имеют значения: «Достаточно того, что публика пришла на меня, — я отдаю ей себя полностью». А еще рядом с ним ангел-хранитель, имеющий вполне реальный, земной образ. И, надо думать, не без его доброй воли Пьявко вышел на когда-то родную, хотя уже и не совсем прежнюю сцену.

В Большом театре с новым — российским — статусом он еще не выступал, и в этом смысле десятки раз петая им здесь партия Германа в «Пиковой даме» стала для певца премьерной. А сверх того — бенефисной, поскольку участие Владислава Пьявко в названном спектакле было анонсировано особо.

К бенефициантам принято относиться благосклонно, и если сказать, что с драматической точки зрения Герман — Пьявко оказался едва ли не самым живым персонажем из всех, что действовали в тот вечер в старой, заметно «уставшей» «Пиковой даме», то и традиция будет соблюдена, и истина не пострадает. В отличие от своих партнеров Пьявко хотел играть и играл — размашисто, на открытой эмоции, почти исступленно. Но до трагических высот не дотянулся. Право, какая угодно трагедия приобретет анекдотический привкус, если выйти на финальную сцену в «чертовски» смешном — взъерошенном, с рожками, парике или картинно, но с натуральным грохотом упасть со стола. Тут уж волею неволей место жалости к погибшему бедняге Герману заступит тревога — а целы ль остались кости у исполнителя? Но даже при всех «но» актер Пьявко переиграл Пьявко-вокалиста.

Его голос, что называется, на любителя. Жестковатый — по крайней мере сейчас. «Мускулистый». В нем мало, как сказали бы в XIX веке, поэзии, но есть своя выразительность — не живописная, а скорее графическая. Тут властвуют штрих, линия. На этот раз линия вышла непластичной, напряженной в

верхнем регистре, нетвердой из-за «качания» в голосе...

Впрочем, оговорюсь — эти впечатления не могут претендовать на полноту. Увы, не все коту масленица, бывают и огорчения в виде второго ряда в боковой ложе третьего театрального «этажа». Кусок сцены с отличным видом кулис и усеченным декорационным ландшафтом, на котором временами, как подарок, появлялись и какие-нибудь действующие лица, — вот все, чем пришлось довольствоваться по воле организаторов фестиваля. Удачнейшая, между прочим, ситуация! Если, к примеру, убедить себя, что в той, невидимой части сцены осталась и большая часть актерско-вокальных достоинств исполнителей, то можно бы даже сказать, что все было совсем неплохо в бенефисном спектакле Владислава Пьявко.

Но на самом деле «все было совсем неплохо» только на маленьком камерном вечере певца в Квартире-музее Неждановой. Для исполнения он выбрал несколько вещей себе по голосу и по характеру, те, где обнаруживался сюжет или царило сильное чувство, — «Ночи безумные» Чайковского, «Христос Воскрес» и «Как мне больно» Рахманинова, горько-удальные романсы из свиридовских циклов... Тут «шли» отличная дикция, полетные форто, впрочем, едва дело доходило до *mezza voce*, голос терял и опору, и свободу. Но на этот раз сей изъян терялся — ввиду неподдельного интереса певца к слову, к поиску разнообразных звуковых нюансов, к созданию ярких образов (партию фортепиано исполнял Д. Зубравский).

В тот вечер Пьявко определенно был в ударе. Вероятно, сказались и атмосфера зала, где собрались в основном «свои» — друзья, поклонники, и концертное «голодание», которое певец испытывает уже лет десять. Именно столько он не пел камерный репертуар дома. За границей же Пьявко вообще не знают в этой ипостаси — соответственно, нет и спроса. Но его потребность в концертной деятельности от этого не делается меньше...

«Где вас можно услышать в ближайшее время?» — интересовался кто-то в конце вечера. «В Воронеже», — ответил он. — «А когда в Москве?» — «Не знаю». — «Вы столько лет поете: «Что наша жизнь?» Игра!» А что ваша жизнь?» — «Планы. Я живу планами. Они часто срываются, но на их месте обязательно возникают новые».

Борьба со стихией продолжается?

Л. ДОЛГАЧЕВА.

● Владислав Пьявко.